

Лю Цянь не спал до рассвета, желая удержать этот день, чтобы, как только луна пятнадцатого числа осветит землю, Янь Чжо не исчез навсегда.

Он принял решение.

Праздник середины осени прекрасен всем, кроме слишком полной луны.

Се Линъюань поправлял воротник Янь Яня, а тот поймал его руку и нежно поцеловал.

— Сяо Юань, я поступил правильно, да?

Се Линъюань улыбнулся:

— Да.

Янь Янь обнял его:

— Сяо Юань, я счастлив, что ты меня любишь.

— Твой глупый брат тоже будет счастлив, — прижавшись к груди Янь Яня, Се Линъюань обнял его в ответ.

Гости собрались, и все были в радостном настроении.

Янь Янь и Янь Чжо сидели позади Янь Сюя, наблюдая, как их обычно весёлый брат сегодня мрачен. Янь Янь ущипнул Янь Чжо за щёку:

— Что с тобой, парень?

— Старший брат, — Янь Чжо прижался к плечу Янь Яня. — Уйду — и больше её не увижу.

Янь Янь обнял его за плечи, погладил по голове, но не нашёл слов утешения.

Янь Чжо вдруг вспомнил что-то, выпрямился и начал оглядываться:

— Старший брат, ты видел Лю Листья? Куда он подевался?

— Не знаю, разве он не с тобой каждый день?

— Сегодня я встал рано, и его не было. Может, отправился к какой-нибудь красавице?

— Нет.

— Странно, ведь сегодня день рождения его отца, а его нет!

Янь Сюй кашлянул, и братья переглянулись, замолчав.

— Сегодня мне выпала честь принять вас, моих дорогих друзей, в моём скромном Павильоне Ганьлу. Но, как говорится, ни один пир не длится вечно. Поднимем бокалы за нашу встречу, и, если судьба позволит, увидимся вновь.

— Лю Се поднял бокал, собираясь выпить, как вдруг его прервал звонкий голос.

— Подождите!

Бокал Янь Чжо упал на пол. Этот голос был так знаком, он мечтал о нём, не мог есть и спать. Прекрасная фигура, грациозно входящая в зал, — разве это не та самая девушка? Только вместо зелёного платья на ней было красное, соблазнительное и чарующее.

— Девушка, вы...

Девушка поклонилась:

— Господин Лю, моё имя не стоит упоминания. Сегодня я осмелилась прийти с просьбой, надеюсь, вы не откажете.

Лю Се рассмеялся:

— Девушка, что вы хотите?

Девушка улыбнулась:

— Господин Лю, я восхищаюсь одним из ваших гостей. С тех пор, как я его увидела, не могу забыть. Узнав, что он скоро уедет, я хочу станцевать для него, чтобы попрощаться. Надеюсь, вы позволите.

Лю Се улыбнулся:

— Конечно, кто же откажет в таком? Кого вы имеете в виду?

Девушка промолчала, лишь улыбнулась и обратилась к человеку за дверью:

— Господин Се, не могли бы вы сыграть для меня?

Услышав «Господин Се», бокал Янь Яня тоже упал:

— Сяо Юань!

Янь Сюй, раздражённый, успокоил своих неугомонных учеников:

— Подождём и посмотрим. Я здесь, никто не посмеет тронуть людей Дворца Юйи.

Янь Янь кивнул и сел обратно.

В зал вошёл человек в чёрном, но его красота затмевала всё вокруг. Красная родинка в уголке глаза добавляла ему шарма.

— Это тот самый демон Се Линьюань! — крикнула Фэн Тяньин. — Как этот слепой раб мог сюда попасть!

— Никто не поддержал её, все были заморожены.

— Тяньин, замолчи, — спокойно сказал Шэнь Мобай, и Фэн Тяньин замолчала.

Девушка, игнорируя взгляды, поклонилась перед Янь Сюем:

— Господин Янь, прошу, не вините господина Се. Я услышала его игру и сразу почувствовала родство, потому и попросила его помочь.

— Затем она повернулась к Лю Се:

— Господин Лю, я прошу вашего разрешения.

Янь Сюй промолчал, и Лю Се, поглаживая бороду, кивнул.

— Благодарю.

— Девушка обернулась к Се Линьюаню:

— Господин Се, можете начинать.

Се Линьюань улыбнулся:

— Девушка, я слеп, если ошибюсь, прошу не сердиться.

— Не беспокойтесь, — мягко ответила девушка.

Музыка зазвучала, наполняя зал печалью и тоской.

Платье развевалось, движения были грациозны.

*

«Гэ Шэн Мэн Чу, Лянь Мань Юй Е. Юй Мэй Ван Цы, Шуй Юй? Ду Чу?» (Плющ покрывает терновник, дикий виноград ползёт по полю. Мой прекрасный ушёл, с кем же? Одинокий.)

«Гэ Шэн Мэн Цзи, Лянь Мань Юй Юй. Юй Мэй Ван Цы, Шуй Юй? Ду Си?» (Плющ покрывает колючки, дикий виноград ползёт по земле. Мой прекрасный ушёл, с кем же? Одинокий покой.)

«Цзяо Чжэнь Цань Си, Цзинь Цинь Лань Си. Юй Мэй Ван Цы, Шуй Юй? Ду Дань?» (Рогатая подушка ярка, шёлковое одеяло прекрасно. Мой прекрасный ушёл, с кем же? Одинокая ночь.)

«Ся Чжи Жи, Дун Чжи Е. Бай Суй Чжи Хоу, Гуй Юй Ци Цзюй.» (Летние дни, зимние ночи. Через сто лет вернусь в его жилище.)

«Дун Чжи Е, Ся Чжи Жи. Бай Суй Чжи Хоу, Гуй Юй Ци Ши.» (Зимние ночи, летние дни. Через сто лет вернусь в его покои.)

*

Песня была печальна, её эхо долго витало в воздухе.

Но, увы, когда музыка стихла, пришло время расставания.

Девушка остановилась, никто не аплодировал, только тихие всхлипывания.

Она шаг за шагом приближалась к тому, кого любила.

— Горы имеют деревья, деревья имеют ветви. Сердце любит тебя, но ты не знаешь.

Янь Чжо замер. Это был не тот голос. Это был голос Лю Цянье.

— Янь Чжо, я говорил, что, если мы встретимся снова, я скажу тебе, кто я. Сейчас я скажу: я — Лю Цянье.

Лёгкий взмах рукава, и под маской оказалось лицо Лю Цянье, залитое слезами.

— Ты говорил, что, если я не буду собой, ты всё равно будешь меня любить. Ты обещал.

Янь Чжо исчез.

Лю Цянье, размазав макияж, стоял на коленях в храме предков, без чувств, без вины, без эмоций.

С рассвета до заката.

Янь Чжо сидел на краю обрыва, и, когда он был один, страх забывался. Он не грустил, у него не было права грустить. Лю Цянье не обманул его, просто скрыл правду. Янь Чжо просто чувствовал пустоту, сердце, которое было полно, вдруг опустело.

В конечном итоге, это он обманул Лю Цянье.

Обещания были лишь словами, и, когда приходилось делать выбор, люди всегда выбирали лёгкий путь.

Знакомый крик раздался рядом, и Чи Сяо опустился у его ног. Странно, но на этот раз птица не докучала ему, а лишь стояла рядом, прижавшись головой к его плечу.

Янь Чжо улыбнулся Чи Сяо:

— Я ещё не хочу возвращаться, давай прогуляемся.

Янь Чжо точно не намеревался, но оказался у этого дерева. Он опустил голову, упершись лбом в ствол, боль и тревога сковывали его горло. Он никогда так не ненавидел себя за то, что был чиновником Инь, ведь у них нет способности плакать.

Шорох не потревожил Янь Чжо, он даже не поднял голову, лишь слегка повернул её:

— Циси?

Большая птица обошла его, подняла лапу, к которой была привязана шёлковая ткань. Янь Чжо развязал её, и журавль улетел.

Дрожащими руками он развернул ткань. Там было всего шесть иероглифов:

«А Чжо, до свидания.»

— Лю Цянье, скажи предкам, что это было лишь мимолётное увлечение, ты не такой!

— Отец, — спокойно сказал Лю Цянье. — Я такой.

Лю Цянье глубоко вздохнул:

— Я такой, ни мужчина, ни женщина, ни свет, ни тьма. Я люблю девушек, я восхищаюсь грацией Се Линъюаня, но я также люблю мужчин. Но кто я? Единственный сын, кроме как быть гордостью семьи, у меня есть выбор?

Жестокий удар по щеке Лю Цянье был болезненным.

Лю Цянье поднялся и снова встал на колени, словно ничего не произошло, спокойно, как будто рассказывал чужую историю.

— Отец, знаешь, как мне сейчас легко?

Лю Се, со слезами на глазах, качал головой, не желая верить, что этот соблазнительный юноша — его гордость.

— Отец, я люблю Янь Чжо, любит ли он меня или нет.

Лю Се больше не мог стоять. Отец и сын не смотрели друг на друга, один в отчаянии, другой спокоен, и только вздохи старика наполняли храм.

— Подайте Забвение.

Лю Цянье усмехнулся, глядя на незнакомого старика:

— Отец, ты предпочтёшь глупого сына настоящему мне?

— Лю Цянье, позор семьи. Забудь всё, это лучше для всех.

— Пусть так.

— Лю Цянье поднял чашу и горько усмехнулся:

— А Чжо...

— Нет!

Чаша упала на пол. Лю Цянье обернулся и, увидев того, кто вошёл, больше не смог сдержать слёзы. Они текли по его лицу, смывая макияж, и он смеялся сквозь слёзы.

— Не пей, Листья, не пей...

— Янь Чжо подбежал и крепко сжал руку Лю Цянье, повторяя:

— Не пей... Не забывай меня... Прошу... Не забывай меня...

— Янь Чжо, это действительно ты? Ты пришёл за мной?

Янь Чжо обнял его:

— Да! Да! Листья, мне всё равно, мужчина ты или женщина! Я... Я люблю тебя! Очень люблю!

<http://bllate.org/book/15548/1413613>